

Плейлист

Paris Blohm & Teylr Renee — Left Behinds (Savage Trap Edit)

STARSET — Telepathic (Acoustic Version)

BLADEFEAR — In Essense

STARSET — Starlight

What The Phonk & 6SIXSIX — I'm Good (Blue)

\$werve — Heatseeker (feat. Ethan Ross & CAIRO!)

Skyfall Beats — all i do

Skyfall Beats — tradegy

Jung Youth, Sam Tinnesz — Fighter

STS-51L feat. BLESSED MANE — Radiant

Asking Alexandria — Alone In A Room

STARSET — My Demons

Agust D — Burn It

BLADEFEAR — Distance

Skillet — Feel Invincible

Stray Kids — Question

mrxacle feat. SHADXWBXRN — Awesome Force

MFS — Bow

Day 6 — I Need Somebody

STARSET — Trials

ANTXRES — Without Emotion

Apashe (ft. Panther x Odalisk) — No Twerk

niteboi — u.

A decorative header featuring a central banner with the text "Перед прочтением". Above and below the banner are horizontal lines. Between these lines, there are several circular motifs containing stylized planets, moons, and stars, along with a crescent moon and a small satellite-like object.

Перед прочтением

Некоторые элементы этой истории взяты из моей реальности. Работа над этой книгой — вызов себе, моя борьба и крохотная победа. Полагаю, иногда история будет слишком эмоциональной и личной, не до конца правильной с точки зрения художественного построения. Но она будет моей.

Мой маленький манифест, мой боевой клич и отражение моей воли.

Я счастлива, что могу выразить все это через столь любившихся персонажей. И спасибо, если решили заглянуть в их историю.

Эта книга содержит в себе сцены насилия и жестокости. Людям, которых могут травмировать описанные здесь события, рекомендуется читать произведение с предельной осторожностью.

Телефон доверия для детей, подростков и их родителей: 8-800-2000-122. Звонок на номер бесплатный и анонимный.

Глава 1

Новый член семьи

Моя точка невозврата пройдена ровно месяц назад.

Момент, когда все окончательно пошло под откос. Момент, после которого жизнь разделилась на смазанное в памяти «до» и непредсказуемое «после». Сейчас, спустя несколько недель, напроочь выбивших меня из течения жизни, начинается первый день того самого «после». И мне... очень страшно.

В салоне дорогого автомобиля приятно пахнет кожей и сигаретами — водитель наверняка любит курить, раз в его строгий костюм впитался этот характерный запах.

Совсем как у мамы.

Я блокирую эту мысль, не дав ей развиться и утянуть меня в ловушку воспоминаний. Это все осталось в прошлом. Каким бы болезненным и пугающим оно ни было, его стоит держать под замками, не позволять оказывать влияние на мою жизнь. Так я решила.

А ведь как забавно все получилось. Раньше меня мучил невыносимый выбор между родителями, перед которым я ставила себя всякий раз, как только терпение и силы подходили к концу. То и дело взвешивала все «за» и «против», постоянно мучила себя давними обещаниями, чувством вины и множеством сомнений. А теперь... получается, этого выбора нет вовсе.

Я буду жить со своим отцом. В моем случае это буквально означает влиться в *новую* семью. И я почти ничего о ней не знаю. Мне известно только то, что отец работает в частной космической компании, нацеленной на долгосрочные проекты исследования космоса. Звучит

красиво, не правда ли? В детстве я обожала размышлять о том, какими опасными и восхитительными программами занимается мой отец. Ракетостроение, космические шаттлы, снабжение МКС и доставка космонавтов на орбитальную станцию... а может, вовсе решает задачи, связанные с путешествиями к другим планетам? Детское воображение не знало ни границ, ни правды. Жаль, что любые мои попытки заговорить об отце неизменно вызвали дома скандал.

Снова блок. Никаких мыслей. Хватит. У меня нет сил даже на панику. Слышишь, отчаянно колотящееся сердце? Хватит, глупое, качать кровь так, будто бы нам предстоит бежать до места назначения марафон.

В попытках отвлечься я достаю из кармана телефон. Остается всего восемь процентов зарядки. Паршиво... Нужно потратить их с умом. Именно поэтому я открываю переписку с одним из немногих людей, которых могу называть своими близкими. Софи в Сети, надпись «онлайн» ободряющим огоньком горит под ее никнеймом. Я быстро набираю сообщение:

Еще еду. Уже несколько миль вокруг ничего нет, даже заправок.

Софи отвечает в своей излюбленной манере:

Похоже, тебя везут в лес закапывать.

Не смешно.

Печатаю я, хотя на губах блуждает нервная усмешка. От следующего сообщения подруги мне становится парадоксально легче:

Не паникуй раньше времени. Я с тобой.

Такое себе утешение, но почему-то оно срывается, как и всегда, когда это делает Софи. Несмотря на то, что она живет за тысячи миль, ближе человека для меня просто не существует. Разве что ребята из мастерской.

В списке диалогов горят больше сотни непрочитанных сообщений, и каждое от них. Я открываю нашу общую беседу и заставляю себя не читать ничего. Пишу только самое важное, все, на что у меня сейчас есть силы:

Я жива, все нормально.
Потом все расскажу.

Интересно, как они там за все это время... Зажмурив глаза, я обрываю эту мысль. Нет смысла мучить себя вопросами, когда неизвестно, смогу ли я посещать наше место вообще. Может, уже ничто не будет, как раньше. Это одновременно и утешает и пугает меня.

Я отрываю взгляд от телефона, только когда машина начинает тормозить. Впереди виднеются огромные кованые ворота, с механическим лязгом открывающиеся по сигналу водителя. Я искренне надеюсь, что мы ошиблись местом назначения, особенно когда машина медленно выезжает на огромную территорию возле широкого крыльца двухэтажного особняка. Дыхание застревает где-то в горле, пока я мечусь взглядом по белоснежному фасаду, украшенному редкими побегам лозы. В некоторых окнах горит мягкий свет, а на балконах, благодаря открытым дверцам, то и дело вздымаются от ветра однотонные шторы.

Это точно какая-то ошибка.

Конец этой надежде наступает ровно в тот момент, когда водитель покидает машину, быстрым шагом обходит ее сзади и аккуратно открывает мою дверь. Он галантно подает руку и ждет, пока я перестану глупо смотреть на его ладонь.

Я даже себе не признаюсь в том, какой эмоциональный хаос охватывает меня в момент, когда выхожу из

машины и вновь окидываю взглядом дом отца. Я ожидала чего угодно, но точно не того, что вижу на самом деле. Внешне стараюсь оставаться бесстрастной, но почти уверена, что все написано у меня на лице.

Никто не должен видеть мой страх, мои эмоции и переживания — только так я буду в большей безопасности. Убеждаю себя в этом не первый год. Поэтому, когда на крыльцо особняка выходит папа, ни один мускул не дрогнул на моем лице. Это стоит мне огромных усилий.

Он высокий. Это первое, что способно подметить мое скованное оцепенением сознание. Я совсем по-дурачки рассматриваю его короткие волосы, уже поддавшиеся влиянию возраста, и сталкиваюсь с лицом, на котором не замечаю ни единой морщинки: так удивительно в отце сочетаются молодость и зрелость. В сдержанном взгляде его серо-голубых глаз, направленном прямо на меня, проскальзывают оттенки радости, волнения и... как будто бы неподдельного счастья. Последнее застаёт меня врасплох, из-за чего мои губы сами собой дергаются в ответной улыбке.

Как бы мне ни было страшно, мне здесь рады. И эта мысль утешает, как ничто другое.

— Привет?.. — почти вопросительно произношу я, поднимаясь по ступенькам на крыльцо.

Отец молчит. Его взгляд бегаёт по моему лицу, затем он делает шаг вперед и заключает в объятия — настолько крепкие, что кажется, будто мне не хватит сил сделать вдох. Вместо ожидаемой паники испытываю лишь легкую растерянность и долю облегчения. Не знаю, чего я ожидала, но мне было важно увидеть в отце эту радость от встречи. Мне было жизненно необходимо допустить эту глупую мысль: *возможно, меня любят*. Я крепко обнимаю его в ответ, и это мгновение кажется заслуженным финалом всего, через что пришлось пройти в последние несколько месяцев.

Но все это только начало.

— Ты так выросла, — тихо произносит папа, отпускающая меня только для того, чтобы снова взглянуть на мое лицо. — Просто невероятно.

Я пытаюсь вспомнить, когда мы виделись в последний раз. Воспоминание о живой встрече с отцом теряется где-то в детстве — в глубинах памяти. Должно быть, в его глазах перемены, коснувшиеся меня, кажутся чудовищными. Мне повезло больше — для меня папа почти не изменился, если вообще можно так сказать о человеке, чью внешность я помню крайне образно.

Тем временем отец берет себя в руки.

— Пойдем, — улыбается он, старательно скрывая излишние эмоции. — Проведу небольшую экскурсию по нашему дому, чтобы ты не заблудилась.

Нашему. Следуя за отцом, я мысленно повторяю это слово, не зная, какие чувства испытываю от него.

Мы попадаем в просторный холл, наполненный холодным светом. С одной стороны пространство отделяется арочным проходом, ведущим в какую-то непозволительно огромную гостиную. Широкие панорамные окна выходят на задний двор, в цветущий ухоженный сад. С другой стороны располагается вестибюль с гардеробами для верхней одежды. Рядом с высокими зеркалами стоят миниатюрные пуфики. Какое-то время я смотрю на их вельветовую ткань, а после оглядываюсь вокруг еще раз, и кое-что никак не могу уложить в своей голове.

Разве сотрудники компании, пускай и такой пафосной, зарабатывают *столько*? Не слышала, чтобы отец был каким-нибудь генеральным директором...

Папа замечает мое замешательство и воспринимает его по-своему. Он немного теряется и, кашлянув, вдруг произносит:

— Не подумай, что я... В общем, платил алименты и никогда не отказывал твоей матери в дополнительной материальной помощи. Я догадываюсь, как обстояли

дела, но пойми, я не мог контролировать, как она распрягается этими деньгами...

— Я вообще не об этом думала, — прерываю я поток неожиданных оправданий и с удивлением смотрю на отца. — Прекрати. Мне неинтересно, кто, что и кому отдавал. Но если говорить о родительском долге, то единственное, чего не понимаю до сих пор, так это почему я ни разу не видела тебя последние лет десять. Только это.

Отец молчит, оценивающе рассматривая меня. Трудно сказать, какое впечатление на него произвели мои слова. В его взгляде мелькает уважение.

— При случае уточни этот момент у своей матери, — говорит папа с нотками трудноуловимого упрека.

— Если увижу ее, — я тяжело сглатываю, — это будет последнее, о чем захочу с ней поговорить. Я знаю, что она всегда была против тебя, запрещала видеться и все такое. Но ты мог хотя бы *попытаться* связаться со мной?

Кто бы знал, насколько я надеюсь на его ответ. Сама не понимаю, каких именно слов жду. Может, признания, что он ужасно скучал и хотел общаться, но по каким-то ужасным, неподвластным ему причинам не мог. Черт, да назови он мне сейчас даже самую бредовую из них, и я поверю. Потому что отчаянно не хочу думать, что своим существованием служила лишь необратимым напоминанием о неудачном браке и дурном прошлом. Что угодно, только не это.

Отец молчит. На его лице сгущаются тени, и, хмуро взглянув на меня, он бесстрастным тоном предлагает:

— Давай не будем об этом сейчас?

Похоже, его оскорбляют мои вопросы. Я теряюсь в том, что могу, что должна говорить, перебираю в голове одни и те же мысли в разных формулировках, не зная, какая из них не испортит хрупкое равновесие в наших зарождающихся взаимоотношениях.

— Да, — тихо отзываюсь я. — Я тоже не хочу сейчас ни в чем разбираться.

Ложь. Больше всего на свете мне хочется прямо сейчас задать ему сотню вопросов, которые роятся в моей душе. Хочу добиться честных и полных ответов, унять тревогу и недосказанность. Хочу раз и навсегда засыпать ту пропасть, которая росла между нами на протяжении многих лет. Но вместо этого я рассеянно киваю.

Кивком головы папа приглашает меня пройти в гостиную, в огромном пространстве которой я ощущаю себя слишком маленькой. Отсюда начинается экскурсия по дому, в котором мне, возможно, предстоит прожить долгое время. Нас окружают большие пространства, полные свободы, современная красивая мебель, но без излишеств. Светлые тона декора сочетаются с темными, что подчеркивает руку профессионала. После первой прогулки по дому я едва запоминаю расположение комнат: здесь кухня и обеденный зал, там гостиная северная, а там западная... комнаты для гостей, ванны для гостей, общая большая ванная на первом этаже, наши — на втором, а еще их маленькие копии в каждом крыле...

Это точно дом в обычном понимании этого слова?

Рассказывая о доме, отец улыбается и даже иногда шутит, разряжая обстановку. Я неумело улыбаюсь в ответ, не находя слов. У меня много вопросов, но все они касаются не обстановки дома, а жизни его хозяина. На такие разговоры вывести его сейчас я не рискну. Живет ли отец один, или мне предстоит знакомство с мачехой? Дом выглядит таким одиноким, словно бы кроме отца и наемных работников здесь нет никого. Почему-то эта мысль вызывает во мне облегчение.

Когда мы обходим почти весь второй этаж, я закономерно ожидаю, что отец покажет мою комнату. Однако мы спускаемся обратно в уютную гостиную, выдержанную в кофейных тонах. Она заполнена шкафами со стеклянными дверцами, за которыми стоят книги. Скользя взглядом по корешкам, я обнаруживаю здесь целое собрание научной фантастики и улыбаюсь. От разглядыва-

ния богатой книжной коллекции меня отвлекает папин голос:

— Мне известно о некоторых... особенностях твоего здоровья.

От этих слов холодок пробегает по спине. Я поворачиваюсь к отцу и только сейчас замечаю, что в гостиной мы не одни.

Молодой мужчина в строгом черном костюме стоит в отдалении и приближается по молчаливому приказу отца — хватает лишь кивка. Я в напряжении разглядываю незнакомца и подмечаю все новые детали: непроницаемое лицо с черными волосами, коротко стриженными висками, темно-серыми глазами и отрешенным взглядом. Судя по внушительной фигуре, нетрудно догадаться о профессии этого человека: либо телохранитель, либо наемник. И ни один из этих вариантов мне не нравится.

— Знакомься, Шелл, — с улыбкой начинает отец. — Айден Фланаган, твой личный телохранитель.

У меня чертовски много вопросов. Пожалуй, их можно ужать в один:

— Какого...

— Айден давно работает на меня, — спешно перебивает меня папа. — Это тот человек, которому я могу доверить твою безопасность.

С трудом удерживая самообладание, я пытаюсь переформулировать все тот же вопрос:

— Зачем...

Телохранитель с трудом пытается сдержать улыбку. Мгновение, и любой намек на эмоции тут же пропадает с его лица. Ему что, смешно?..

По моему телу прокатывается легкий разряд гнева. Я заранее проникаюсь антипатией к этому мужчине. Может, за моими эмоциями прячется простой страх? Однако он так умело ускользает даже от меня, что я и правда не знаю, испытываю ли его на самом деле.

— Я подписывал документы на твою выписку, — вновь пускается отец в объяснения. — И врачи беседовали со мной по поводу твоего состояния. Посттравматическое стрессовое расстройство, физиологические отклонения... да еще и с признаками депрессивных периодов. Меня убедили, что это серьезно.

Я сохраняю внешнее хладнокровие, хотя за время речи отца внутри меня трижды все перевернулось. Обсуждение подобной темы в присутствии чужого человека ощущается сродни тому, как если бы они стояли и обсуждали мои анализы. Мерзость.

— Я бы сам хотел проводить с тобой как можно больше времени, но не могу. Редко бываю дома. — Отец вздыхает и кивает в сторону телохранителя. — Поэтому мне будет спокойнее, если ты всегда будешь в компании надежного человека.

Поверить не могу. Неужели папа всерьез опасается, что как только он от меня отойдет, я тут же натворю глупостей? Только в таком случае я бы поняла идею о найме этого... надзирателя.

— Айден призван охранять, наблюдать и нивелировать ситуации, которые могут негативно повлиять на твое состояние. И помогать во всем, где понадобится.

— Как нянька? — вырывается у меня нервная усмешка.

И тут вдруг Айден решает ответить сам. От его тихого низкого голоса моя усмешка почему-то обрывается.

— Как специалист своего дела, — вежливо поправляет он. — Но если вам потребуется сиделка, я представлю и такие услуги.

Из-за этого выверенного бесцветного тона его голоса невозможно понять, шутит он или нет. Я сжимаю губы, признав поражение — ответную колкость мне не подобрать. В напряженном молчании я сверлю мужчину взглядом, будто пытаюсь выбить из колеи, а Айден с прежним непробиваемым спокойствием наблюдает за мной, будто

бы уже приступив к работе. Под его закрытым, неясным взглядом я ощущаю себя неудобно.

Кашлянув, отец решает прервать неловкую паузу:

— А еще я записал тебя на консультации к психотерапевту из той же клиники.

Это становится настоящим ударом. Глаза застилает пеленой, от паники начинается озноб, а мысли путаются между собой. Каждая из них вопит: нет, нет, нет, я не вернусь туда больше. Сквозь матовое стекло перед глазами я замечаю движение телохранителя ко мне. Отец останавливает его взмахом руки — и правильно, иначе меня накрыло бы окончательно. Шумно выдохнув, я отступаю на несколько шагов назад и постепенно возвращаюсь в реальность.

— Шелл? — зовет меня папа.

— Не надо... никаких психотерапевтов. А тем более... там. Я не вернусь туда. Никогда. Никогда...

Отчаяние, которым пропитано каждое мое слово, лишает отца прежней решимости. Они обмениваются взглядами с Айденем, а я зажмуриваю глаза, ощущая себя подопытным кроликом, эксперимент над которым показал неудовлетворительные результаты. Смотри, Айден, насколько сложной будет твоя работа...

— Я думал, тебе это необходимо, — бормочет папа. — Я ведь не специалист. Врачи сказали, что так будет лучше. Так ты быстрее справишься со своими проблемами. Нет, так нет. Я тебя понял. Но, если я замечу ухудшения в твоем состоянии, спрашивать не буду. Учти это.

Отлично. Вот и прекрасный аргумент в пользу того, чтобы всегда надевать маску спокойной и здоровой девочки, если в поле зрения будет отец. Я чувствую, как начинаю задыхаться, но не показываю этого. Вспоминаю, что лестница на второй этаж находится прямо позади меня, оглядываюсь, намереваясь как можно быстрее покинуть это место.

— Куда ты? — устало спрашивает папа.

— Пойду искать свою комнату. Хочу немного отдохнуть, ладно?

Отец хмурится. Похоже, он разочарован моим поведением. Но видят небеса, если я останусь здесь, будет только хуже. Я чувствую, как *это* наступает. Как давит на затылок, спускается вниз по шейным позвонкам и сковывает цепкой хваткой. Как воздух застрекает где-то в груди, а в легких как будто не хватает места, чтобы я могла вдохнуть.

— Скоро подадут ужин, я думал, мы поедим вместе.

— Я не голодна.

Сейчас мне точно кусок в горло не полезет. Когда перед глазами проплывает первая темнеющая пелена, я разворачиваюсь, почти бегом взбираюсь по лестнице и оказываюсь в коридоре второго этажа. Слышу, как позади раздается тихий приказ отца:

— Приступай к обязанностям, Фланаган.

Черт, черт, черт! Только бы он не... Ну конечно! Он идет за мной. Нужно успеть закрыться в комнате... только где она? Я ведь даже не спросила..

Туман в глазах мешает обзору, окутывает мысли омутом. Сердце ускоряется и начинает покалывать, мне кажется, что ему просто мало места внутри грудной клетки. Слыша шаги позади, я резко разворачиваюсь.

— Уйди, — выпаливаю я единственное, что могу членораздельно произнести.

Телохраниль останавливается и смиряет меня внимательным взглядом. Айден очень высокий..

— Я могу покинуть пост, только когда буду уверен, что с вами все в порядке, — так же сдержанно поясняет он. — А пока я вижу обратное. Позвольте помочь.

Если этот клоун сделает хоть шаг в мою сторону...

А ведь именно это он и делает.

Отдав контроль над телом рефлексам, я будто бы со стороны наблюдаю, как поднимается в воздух моя рука, занесенная для удара. Айден ловко перехватывает ее, не

причиняя боли, а просто удерживая. Я не могу двигать рукой, хоть и вкладываю всю силу, а он даже не напряжен.

— Не стоит, — безмятежно просит Айдэн. — Я не груша для битья. Если вам не хватает спортивного инвентаря, обратитесь к своему отцу.

Он полагает, будто бы я срываю на нем злость. Это даже лучше, чем если бы почувствовал мой страх. И лучше, чем если бы он знал, почему я так пытаюсь скрыться от чужих глаз.

А он узнает. Прямо сейчас. Приступ наносит свой сокрушительный удар — клетка захлопывается, выбивая из меня воздух. Я судорожно пытаюсь вдохнуть, напряженно вгоняю кислород в легкие, но его никогда не будет достаточно. К счастью, меня отключает быстро: онемение охватывает затылок и шею, а после подступает спасительная темнота.

Как и всегда. Никаких улучшений. Успеваю испытать чувство вины и самоуничужения, пока мои ноги начинают подкашиваться. Клянусь, я была готова встретить затылком пол. И я не сразу понимаю, почему этого не происходит, пока не слышу сквозь ватную пелену громкий голос:

— Мистер Мэйджерсон! Сюда!

Когда я прихожу в себя, то не сразу понимаю, где нахожусь. Атласное покрывало холодит кожу, большая подушка удобно располагается под головой. Я медленно открываю глаза, и тут же мутная картинка перед ними отзывается во мне тошнотворной волной. Сжимаю губы, дабы подавить рвотный позыв — желудок все равно пуст. Не сразу, но я замечаю отца, сидящего в напряженной позе в кресле совсем рядом с кроватью.

— Принеси холодной воды, — отдает папа приказ.

Айден тенью направляется прочь из комнаты и скрывается за дверью. Оставшись наедине со мной, отец тяжело вздыхает и потирает ладонью лицо.

— И после этого ты будешь продолжать делать вид, что с тобой все хорошо? — тихо спрашивает он.

Губы сами собой выдают слабую натянутую улыбку. Ответить не могу — в горле пересохло, а язык приклеился к небу. Но я бы ответила...

Да, пап. Всегда буду. Это моя вечная борьба. Может, за собственное достоинство. А может, просто за себя саму. Даже когда в ней уже нет никакого смысла.

Глава 2

Широкий спектр услуг

Когда возвращается Айден, папа отдает приказ внимательно присматривать за мной, а сам уходит, оставляя меня наедине с телохранителем.

Я мрачно наблюдаю, как он подходит к кровати и протягивает мне стакан с водой. Намеренно игнорирую его жест и тяжелым взглядом смотрю телохранителю в глаза. Айден, не растерявшись, молча ставит стакан на прикроватную тумбу. Крепкий орешек.

Оставив попытку прожечь его взглядом, я наконец обращаю внимание на саму комнату. Рассматриваю огромный шкаф-купе у стены и длинный стол, переходящий в целый комплекс для хранения всякой всячины и декора. По другую сторону от него в стену вмонтирован искусственный камин, напротив которого располагается бежевый кожаный диван. Возле него начинается секция стеллажей и закрытых книжных шкафов. Понятия не имею, сколько вещей нужно иметь, чтобы заполнить все это пространство. Судя по чемодану, сиротливо оставленному у окна, я и правда буду жить здесь.

С ума сойти.

Похоже, мне не удастся скрыть живой интерес, с которым я изучаю комнату, поскольку Айден наблюдает за мной с пристальным вниманием. Почему-то я испытываю желание оправдаться за проявление эмоций и бормочу:

— Эта комната больше половины маминой квартиры. Просто... удивлена.

От его молчания ощущаю себя еще глупее. Вздохнув, я решаю задать хоть один вопрос, который пополнит мои скудные знания о новом доме:

— А где живут работники, которых нанимает папа? Вас много?

— Весь штат охраны располагается в восточном крыле на первом этаже, — бесстрастно отзывается Айден. — В состав входит около десяти человек.

Лучше бы не спрашивала. Кошмар... Десять человек. И это только количество охранников.

— У моего отца паранойя? — вырывается у меня прежде, чем я успеваю обдумать вопрос.

Айден издает вздох, который отдаленно напоминает усмешку. А может, я сама стараюсь видеть в его поведении хоть какие-то присущие человеку черты, чтобы его непроницаемость не так сильно нервировала меня.

— Насколько я знаю, ваш отец полностью здоров. Что касается вас... могу я уточнить суть вашего заболевания?

Я тяжело вздыхаю. Аккуратно сажусь в кровати и перевожу взгляд на окно, не зная, стоит ли мне отвечать. С одной стороны, я не обязана рассказывать о себе лишнее, с другой... какая, в принципе, разница? Лучше я отвечу на такие вопросы сама, чем Айден будет беседовать об этом с моим отцом.

— Посттравматическое стрессовое расстройство, психосоматика, какие-то проблемы с сосудами и шейным отделом. — Я говорю тихо, с безразличием в голосе, будто бы рассказываю о ком угодно, но не о себе. — Это то, что назвали врачи. Смешно, но ни одно из их заключений даже болезнями не назвать, просто сборник из неопределенной симптоматики и нарушений. Разве папа не говорил тебе?

— Говорил. Просто хотел услышать это от вас и понять личное отношение к диагнозу. Это поможет мне лучше выполнять свою работу.

— И как, понял?

— Вполне, — спокойно отвечает Айден. — Вы не слишком серьезно относитесь к своему состоянию.

Комната погружается в тишину, поскольку ответить мне нечего. Телохранитель долго молчит, а потом уточняет бесстрастным тоном:

— Ваши обмороки входят в симптоматику?

— Не нужно лишней вежливости, — вздыхаю я тихо. — Ты и так явно старше меня. И да, обмороки... тоже оттуда. При стрессе, особенно при продолжительном, мне просто как будто перекрывают... кровь, кислород, не знаю, как будто все сразу. Дерьмовое кровообращение, вот что они сказали. — Я горько усмехаюсь. — Для этого обтекаемого вывода им потребовалось три недели мучить меня в стационаре.

Я не знаю, почему из меня лезут эти откровения. Почему выдаю слово за словом, вытягивая из себя эту титанически тяжелую цепочку подавленного отчаяния.

В комнате воцаряется молчание. Я жалею о том, как много рассказала незнакомому человеку, и еще хуже то, что я совсем не понимаю его реакцию на услышанное. Меня нервируют люди, которых невозможно прочесть, а Айден яркий тому пример. Телохранитель остается все таким же непроницаемым и закрытым, будто не живой вовсе. И вот эту ходячую мумию мне предстоит терпеть большую часть своего времени?

Хорошо, что Айден не стал спрашивать о том, что было «до». ПТСР ¹ подразумевает конкретную причину, и я рада, что телохранитель не задает прямых вопросов на этот счет.

— Какие рекомендации дали при выписке?

От его голоса я вынырываю из своих мыслей.

— Ну, мне прописали массаж шейного отдела. Типичная отмазка, лишь бы написать что-то в графе рекомендации.

— И как?

¹ Посттравматическое стрессовое расстройство (*Здесь и далее прим. ред.*).

— Я ходила... пару раз, — неуверенно отвечаю я. — Пока отец не забрал меня.

— Ясно.

Более многозначного ответа трудно себе представить. Я опускаю голову, ощутив привычную волну стыда. Лучше бы ничего не говорила.

От внимательного, изучающего взгляда Айдена становится не по себе. Он молча сканирует меня, а потом неожиданно спрашивает:

— Почему ты стыдишься того, о чем рассказала?

Я резко поднимаю голову. Неужели меня так легко прочесть?

— Не знаю, — отвечаю я после долгой паузы. — Я никогда не умела принимать свои слабости. Все это звучит как-то... глупо, что ли. Словно я просто требую внимания к себе.

Айден как-то неоднозначно покачивает головой.

— В детстве твои проблемы часто обесценивали, не так ли?

Смешок вырывается сам собой. Эту схему я хорошо знаю.

— Вот только не надо становиться психологом-всезнайкой, ладно? Слишком широкий у тебя спектр услуг.

К моему удивлению, Айден молча кивает и оставляет попытки провести сеанс поддержки. Я украдкой наблюдаю за ним, гадая, неужели он всерьез будет исполнять все, что я скажу. Вот так просто взял и послушно заткнулся? Нисколько не оскорблен тем, что я им командую?

Интересно.

Утром отец уезжает в город ради срочных дел — так мне передает невысокий мужчина из персонала. Мысленно я решила звать его «лакеем» — настолько комично на нем смотрится белый строгий фартук, будто мужчина сбежал из ресторана прямо перед подачей блюд в зал.

За неуместным юмором я привыкла скрывать волнение. Еще не готова оставаться в доме отца без него, несмотря на то, что наше первое общение было далеко от идеального. Постоянное присутствие телохранителя, тенью следующего за мной, отнюдь не добавляет спокойствия. Мне удастся снова пройтись по дому, прогуляться по прилегающей территории, изучая оранжерею, сад, тенистую аллею и совсем дикие участки впереди. Вся территория обнесена высоким каменным забором с линией черепицы, а единственный выход — главные ворота. Ну или белкой по деревьям.

Легкое урчание живота подсказывает мне неплохую идею — можно попробовать приготовить себе что-то поесть. Приходится спросить Айдена о том, как попасть на кухню, и телохранитель без лишних вопросов проводит меня в нужное помещение. Пока я осматриваю кухню, больше похожую на часть ресторана, Айден что-то тихо говорит местному повару, и вскоре мне предоставляется возможность немного похозяйничать. Мы остаемся с телохранителем наедине.

Приготовление пищи странно успокаивает. Поиск ингредиентов оказывается интересным квестом, а сосредоточенность на рецепте помогает мне победить скованность и тревогу. К моему счастью, Айден ничем не выдает своего присутствия, почти слившись с мебелью подальше от меня.

Я критически оглядываю подготовленные ингредиенты и вздыхаю, приступая к самой нелюбимой части — нарезке. Признаться, в свои двадцать один я так и не умею толком пользоваться ножом. Но если раньше меня смущала только природная неловкость в обращении с такими вещами, то теперь... мне становится страшно от одного взгляда на простые кухонные ножи.

В ее руках был похожий.

Пытаюсь избавиться от этой мысли, не дав ей развиться, и с излишним упрямством берусь за небольшой

хлебный ножик. Он не так пугающе выглядит на фоне своих собратьев, да и порезать хоть что-то кроме своих пальцев я могу только таким.

Раз, два, три. Ножик тихо скребет деревянную дощечку, а сок от сладкого перца слегка растекается по ее поверхности. Я концентрируюсь только на результате, а не на мысли, что в моих руках находится нож. Нет ничего страшного в этом ерундовом кухонном предмете. Чертовом предмете! Он скорее давит этот перец, а не режет его.

Кухня вокруг меня начинает знакомо темнеть. Я встряхиваю головой, зажимаюсь и широко раскрываю глаза, прогоняя волну наваждения. Это уже просто смешно.

Когда лезвие задевает палец, сначала я даже не понимаю, что произошло. Когда вспыхивает совсем тихая боль, через мое тело будто бы проходит электрический разряд. Испытав скачок ничем не оправданного испуга, я отскакиваю прочь от стола, выронив нож на пол.

Прижав к губам порезанный палец, я слышу позади себя тихие шаги. Резко оборачиваюсь на Айдена и смотрю прямо ему в глаза, одним взглядом предупреждая, что ему следует остановиться. Телохранилитель покорно замирает всего в двух шагах от меня. Он сосредоточенно смотрит на мою руку, пытаюсь оценить серьезность раны.

— Отбой тревоги, — бросаю я прохладно.

— Если понадобится помощь, дай знать.

Я оглядываюсь вокруг, прикидывая, может ли где-то на кухне храниться аптечка. Или в таких богатых домах на это отведен свой собственный медпункт? Слышу позади себя тихий вздох. Айден покидает кухню и возвращается через пару минут, держа в руках новую аптечку. Он молча ставит ее на кухонную столешницу и надрывает пленку, одним движением снимая ее с коробки.

— Спасибо, — тихо выдавливаю я то, что должна.

Открыв аптечку, Айден в такой же тишине возвращается на свое место недалеко от окна. Телохранитель перидически смотрит в него — то ли разглядывая пейзаж, то ли проверяя территорию. Вот и сейчас он всматривается куда-то вдаль, а потом вдруг возвращает взгляд на меня. Я прерываю секундный зрительный контакт и начинаю рыться в аптечке.

В голову снова лезут тревожные мысли. Я совсем не хочу, чтобы обычные бытовые вещи приводили меня в такое состояние. Я не хочу сталкиваться с этими проклятыми приступами. Я не хочу быть.. такой.

— Порез сначала нужно обработать, а потом уже...

Я сжимаю в ладони пачку пластырей.

— Хватит! — срываюсь я окончательно, не столь от очередной незваной помощи, сколь от мыслей, загоняющих меня в ловушку.

То ли из-за отсутствия других реакций от природы, то ли из-за паразитического профессионализма, Айден лишь кивает, отчего я ощущаю себя просто отвратительно. Честное слово, лучше бы он ответил мне то, что я заслужила. В глубине души я прекрасно понимаю, что обхожусь с этим человеком несправедливо грубо.

Наклеив пластырь на порез, я тихо произношу:

— Давай договоримся. Без моей просьбы ты не лезешь ко мне, ладно? Сливайся с мебелью дальше, и я не буду на тебя орать. Обещаю.

Этим вечером я бросаю попытку разобрать чемодан и снова списываюсь с Софи. Общение с подружкой действует лучше любых успокоительных.

Ты не представляешь, какой это кошмар.

Начинаю я с тяжелым сердцем.

Звучит многообещающе. Я слушаю.

Я рассказываю ей все. И об отце, в общении с которым я максимально скованна, и о телохранителе, который смог расположить меня к откровениям, и о моих попытках установить личные границы, и о многом-многом другом, что тревожит меня.

Софи читает мои многострочные тексты и отвечает на все сразу голосовым сообщением. Я с улыбкой слушаю подругу, закрываю глаза и падаю спиной на кровать. Впервые за весь этот бесконечно долгий день я ощущаю себя в безопасности.

Свое сообщение Софи заканчивает неожиданным вопросом:

— А вообще, этот твой телохранитель хотя бы симпатичный?

Я резко раскрываю глаза, стирая неожиданно появившийся образ четких линий лица и серых глаз Айдена. Поворачиваюсь на живот, беру телефон в руки и набираю быстрое сообщение:

Ну... наверное, да. Но какая разница?

Судя по твоему ответу, он так же роскошен, как и все в доме твоего папы.

Гласит новое сообщение от Софи.

Я в растерянности перевожу взгляд от экрана в темноту комнаты. Тем временем подруга начинает видеозвонок, и его я принимаю уже с толикой волнения. Первым делом, едва взглянув на меня, Софи в ужасе выпаливает:

— Господи. Что с тобой стало?

Я в растерянности ставлю телефон на блокировку, не прерывая звонок. В темном отражении экрана смотрю на волосы, когда-то бывшие светло-пшеничными, а теперь выглядящие выцветшими. Им в тон оказываются такие

же блеклые серо-зеленые глаза. Лицо сильно осунулось, ничуть не утончая черты, а наоборот, уродуя их.

Да уж... раньше я выглядела ярче.

— Хэй, все не так плохо, — замечает Софи мой по-мрачневший вид и мягко переводит тему: — Вообще, теперь я тебе даже завидую. Нет, не пойми неправильно, я знаю, что события в целом отвратительные, но... слушай, может, поверишь мне на слово? Мне кажется, сейчас все вокруг тебя не так плохо.

В задумчивости прикусываю губу. Отрицать слова Софи бессмысленно — я и сама знаю, что грешу излишним пессимизмом. Как бы взять и перепрограммировать свое восприятие, избавиться от триггера, всякий раз обращающего мой страх в агрессию и апатию? В какой код сознания нужно пролезть, чтобы все это исправить?

Закрыв глаза, я блокирую экран телефона и накрываю лицо мягким пледом.

Глава 3

Начало цепочки

О переводе на домашнее обучение я узнаю от преподавателей.

Спустя несколько дней после моего приезда в дом отца я получаю письмо на электронную почту. Меня просят найти время, чтобы приехать в университет, обсудить пару моментов и взять необходимые для самостоятельной проработки материалы на целый семестр.

Чуть позже я узнаю о том, что домашнее обучение оформил мой отец. Раньше я бы восприняла такие новости с большой долей облегчения, но сейчас эти перемены меня не радуют. Они только сокращают шансы на ту жизнь, которая хотя бы отдаленно напоминала бы *мою*. Мне не удастся даже поговорить с папой — он каждый день уезжает рано утром и возвращается за полночь.

Я стараюсь взять себя в руки. Подняв с пола рюкзак, проверяю рукой содержимое карманов, пока наконец не касаюсь холодного металла. Достāju ключи от машины и глупо улыбаюсь. Я ужасно скучаю по своей малышке. Если бы только была возможность забрать ее с собой сразу же...

Возникает закономерный вопрос, как теперь добраться до университета. В памяти всплывают воспоминания о глухих лесах, мелькавших за окном автомобиля во время поездки сюда. Конечно, у отца наверняка есть водители, но он уехал еще ранним утром, а навязываться я не привыкла... к черту. Доберусь до шоссе, а там узнаю, ходит ли какой-нибудь транспорт.

В задумчивости я покидаю свою комнату и вздрагиваю, когда краем глаза замечаю высокий силуэт совсем

рядом с дверью. От испуга душа ныряет в пятки, а я резко подаюсь в сторону. Айден, стоя в расслабленной позе со сложенными за спиной руками, слегка поднимает брови.

— Прошу прощения. Не хотел напугать.

Его внимательный взгляд прикован ко мне, будто бы телохранитель опасается, что я снова могу упасть в обморок. С моих губ срывается нервный смешок.

— С каких пор ты под дверью ошиваешься? — спрашиваю я грубее, чем хотела бы.

— Это мой обычный пост.

Я глупо открываю рот, даже не зная, как сформулировать мысли.

— И давно ты тут? — выдаю я один из наименее интересующих меня вопросов, зато самый безобидный.

— Мой рабочий день начинается в пять утра. Если потребуется, я в твоём распоряжении круглосуточно.

подавляю тяжёлый вздох. По неизвестной мне причине я ощущаю необъяснимый укол вины и тут же напоминаю себе: этот человек сам согласился на такую работу, его вряд ли кто-то заставлял.

— Могу чем-то помочь? — нарушает Айден затянувшееся молчание.

Я смотрю на него с легким недоверием.

— Где ближайшая остановка в сторону города? Мне нужно попасть в универ.

— Нет нужды искать автобус, — спокойно отзывается Айден. — Я довезу.

Это несколько не лучше, чем напрашиваться к незнакомому водителю. Отчаянно хочется взвыть, но вместо этого я с усмешкой уточняю:

— Так ты ещё и личным водителем подрабатываешь?

— Нет. Но права и машина у меня есть. Поскольку в мои обязанности входит любая помощь, я выполняю то, что нужно в конкретной ситуации.

— И правда широкий спектр, — шепчу я и тихо вздыхаю. — Ладно. Когда ты можешь?

— Когда скажешь.

Видимо, помимо меня дел у него нет вовсе. Опустив взгляд в пол, я медлю, раздумывая, а потом поднимаю голову.

Наши взгляды снова пересекаются: спокойный, непроницаемый — у Айдена, лихорадочно мечущийся и напряженный — у меня. Эта разница кажется мне смешной и пугающей одновременно. Было бы намного проще, если бы я понимала эмоции этого человека.

— Тогда прямо сейчас, — решаю я.

Вместе со мной Айден спускается на первый этаж. Из холла он сворачивает в северное крыло особняка и оттуда проводит меня в просторное, холодное помещение, которое я признаю не сразу. Тихим щелчком Айден зажигает свет, и мое сердце останавливается.

Это гараж. Гараж, полный машин.

Дорогие внедорожники, полуспортивные люксы, простые паркетники и седаны... здесь намешано слишком много всего. От заурядных машин, наводняющих улицы Сиэтла, до настоящего бизнес-класса. В неярком освещении поблескивает начищенный кузов каждой красотики, и у меня захватывает дух.

Каждый из моих ребят отдал бы душу за возможность оказаться в таком месте.

— Здесь свой транспорт держат все работники дома и сам мистер Мэйджерсон, — поясняет Айден.

Я делаю несколько неспешных шагов вдоль ряда припаркованных машин. Прохожу мимо черного тонированного Geländewagen, оглядываю совсем новую Mazda CX-5. Изучающе засматриваюсь на брутальный Rolls Royce, улыбаюсь столь узнаваемой Tesla Model S.

А потом я останавливаюсь возле серой BMW. Если не ошибаюсь, передо мной настоящая M8 в версии Gran Coupe. Эта красотишка заставляет сердце биться чаще —

мне нравится в этой машине абсолютно все. Сбалансированный и утонченный дизайн, строгость изгибов, естественность каждой детали. Эта малышка — венец творения. Не удержавшись, я почти ласково касаюсь ладонью капота.

— Чья она? — решаюсь я наконец спросить.

Может, удастся прокатиться на ней хотя бы один раз. От моего внимания не укрывается то, как телохранитель медлит с ответом, и спустя секунду я понимаю, почему.

— Моя.

Кровь приливает к лицу. Я тут же отдергиваю руку от капота, пока Айден неспешным шагом приближается к своей машине. Из кармана пиджака он достает сенсорный ключ, сжимает его пальцами, и мгновение спустя BMW мигает фарами. Айден подходит к передней двери со стороны пассажира и открывает ее, после чего отступает в сторону. Я не сразу понимаю, чего он ждет от меня, а потом, спохватившись, сажусь в машину.

До чего же приятно пахнет в салоне. Кожаная обивка сидений, нотки запаха цитрусового стеклоомывателя. Все это примешивается с едва уловимым ароматом, природу которого я понимаю, только когда Айден садится за руль.

Это его одеколон. Чуть терпкая древесная основа, кориандр и нотки эстрагона.

Нажатием кнопки возле руля он заводит двигатель. Я на автомате вспоминаю про ремень безопасности и тяну его к замку. У меня не получается попасть язычком в защелку.

Когда Айден, решив помочь, случайно касается моих рук, я отстраняюсь настолько далеко, насколько это позволяет салон машины. Телохранитель кидает на меня вопросительный взгляд и легко справляется с замком ремня безопасности.

— Все хорошо? — так же бесстрастно уточняет он и намеренно не поднимает на меня глаза. Будто от этого мне должно стать легче.

— Угу.

К счастью, больше вопросов он не задает, а я стараюсь концентрироваться на приятном звуке, издаваемом тихо урчащим двигателем. Мы выезжаем из гаража. Как же мягок ход этой машины..

Возле главных ворот Айден притормаживает, опускает стекло и кивает человеку в будке. Пока ворота плавно открываются, телохранитель выдает краткую сводку:

— Путь займет около полутора часов. На задних сиденьях есть вода и снеки. Если захочешь, бери.

Я тут же отмахиваюсь от предложения. Зря. Водичка бы пригодилась. Когда серая BMW набирает скорость и мягко лавирует по витиеватой трассе, меня начинает укачивать. Сначала — в пределах терпимости, но чертов серпантин никак не заканчивается, и я сталкиваюсь с угрозой опозориться.

Похоже, я слишком сильно нервничала, когда впервые ехала в дом отца, что меня и спасало. Сейчас же... будь проклят тот плотный завтрак.

Мое упрямство не позволяет мне попросить сбавить скорость или остановиться. Айден водит уверенно и аккуратно, но это никак не спасает меня от укачивания. В какой-то момент мне становится настолько плохо, что я впиваюсь пальцами в дверную ручку.

Это не укрывается от внимания телохранителя. Прежде, чем он успевает задать вопрос, я сдаюсь и выдавливаю из себя тихое:

— Останови..

Айден резко жмет на тормоз. Я крепко зажмуриваю глаза и задерживаю дыхание, упираясь рукой в бардачок. Когда машина съезжает на обочину и наконец останавливается, я не с первого раза открываю дверь, отстегиваю ремень безопасности и выбираюсь на свежий воздух.

Наконец-то. Я медленно вдыхаю и выдыхаю спасительную прохладу, стараясь взять себя в руки. Не нужно этого позора, терпи, Мэйджерсон, терпи..